

Маленькие
ангелы

Софья Бекас

Софья Бекас
Маленькие ангелы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70135645

SelfPub; 2023

Аннотация

"Маленькие ангелы" – это сборник рассказов, главными героями которых являются те самые маленькие ангелы.

Содержание

Немного о преданности	4
Путешествие в Рождественскую ночь	24
Белый слон	52
Кто-то	57
Маленькие ангелы	60

Софья Бекас

Маленькие ангелы

Немного о преданности

Это началось за месяц до Нового года. Города уже готовились к надвигающемуся празднику: улицы наряжались в бесконечные гирлянды, ёлки – в большие игрушки, а витрины магазинов доверху набивались всякими безделушками, которые будто так и шептали на ухо: «Купи меня, купи!»

В тот день был мягкий морозец и шёл снег. Он шёл большими, пушистыми хлопьями, которые, падая на нос, не таяли, а оставались на нём как некий обязательный аксессуар. А если его слизать, то можно попробовать зиму на вкус. В парке всё стало белым-белым, слилось в единый пейзаж, на фоне которого пестрили чёрными чёрточками стволы деревьев. Собаки, маленькие и большие, пушистые и абсолютно бесщёрстные, радостно виляли хвостами и ныряли в глубокие сугробы в предвкушении весёлых игр.

Мика тоже не была исключением. Сидя на подоконнике и прижавшись, насколько это было возможно, мордой к стеклу, она смотрела вниз, куда выводили гулять своих собак хозяева. Ей очень хотелось туда: играть с мячиком, приносить брошенные хозяином палки или хотя бы просто нырнуть в

эту холодную белую вату с головой. Хозяин называл эту холодную вату «снегом». Но и ту мокрую жижу, которая бывает осенью, он тоже называл «снегом». Почему, для Мики было непонятно, но ведь она была умной собакой, поэтому просто запомнила, что данное явление в белое время года называется «снег».

Впрочем, всё это было для Мики совсем неважно. Она нетерпеливо стучала хвостом о деревянную поверхность подоконника в ожидании, когда хозяин вернётся с работы и пойдёт с ней гулять. Не пойти выгуливать свою собаку в такую погоду – грех для хозяина, и именно поэтому Мика даже не сомневалась, что сегодня она точно окажется на улице.

Спустя какое-то время, которое показалось Мике бесконечно долгим, на дороге к дому показалась знакомая фигура с двумя большими пакетами. Немного возмущившись, зачем хозяину носить столь тяжёлые вещи, Мика спрыгнула с подоконника и побежала к входной двери, в которой вскоре слышался скрежет ключа. Как только дверь открылась, она, по привычке, хотела было броситься на ручки, но, заметив ещё одну фигуру, растерянно затормозила, так и не добежав до хозяина.

– Лариса, познакомься. Это Мика.

Молодая женщина немного привередливо посмотрела на неё, и в этот момент Мика почувствовала себя невероятно глупо. Она жалобно смотрела на хозяина, пытаясь понять, что всё это значит. Однако лицо женщины смягчилось, и она

уже более ласково сказала:

– Какая милая. Можно погладить? – и, дождавшись короткого кивка хозяина, слегка потрепала собаку по голове.

Справедливо рассудив, что можно доверять всем, кому доверяет хозяин, Мика в ответ усиленно завилела хвостом и прикрыла глаза от удовольствия. Хотя, надо признать, настоящее удовольствие она испытывала, только когда её гладил хозяин, а с посторонними людьми Мика играла скорее из вежливости. Как-никак, она была воспитанной собакой.

Около получаса прошло в томительном ожидании, но вот, наконец, Мика выбежала на улицу. Снег приятно охладил подушечки лап, а на нос тут же прилетело несколько снежинок. Хозяин и новая особа по кличке Лариса шли немного позади, не сдерживая поводок, и Мика была предоставлена сама себе, что я, как Автор, расценю как отличный повод для того, чтобы познакомить Вас с ней чуть-чуть поближе.

Мика на минутку остановилась у большой зеркальной витрины магазина. Среднестатистическая домашняя собака породы золотая такса с длинными ушами и волнистой, очень мягкой на ощупь светлой шерстью. У неё был пепельно-розовый ошейник и такого же цвета вязаный свитерок, в котором она сейчас крутилась перед стеклянной необычной поверхностью. Как Вы уже поняли, Мика была умной собакой и знала, что штуки, подобные той, что висит в ванной, отражают происходящее в реальном мире. Впрочем, Мика была не совсем в этом уверена и даже предполагала, что на самом

деле это её двойник, который иногда приходит, однако времени продолжить эти глубокомысленные рассуждения, как правило, не хватало.

Итак, вдоволь налюбовавшись собой, Мика продолжила свою столь долгожданную прогулку. В конце улицы, там, где было особенно много огней и радостного шума, виделся парк. Его веселье манило в свои глубины, как в сладкую ловушку, и Мика с разбегу бросилась в его объятия, заставляя хозяев бежать вслед за ней.

Парк был просто прелестный. Мика уже успела встретиться со всеми своими знакомыми и даже вильнуть каждому из них хвостом: соседке-дворняжке Жуже, аристократичной русской борзой Арфе и вечно хмурому коту Борису, который был сегодня, как ни странно, в прекрасном настроении (правда, понять это по его выражению лица было сложно). И Мике казалось, что это прекрасное настроение передаётся всем, будет с ней всегда и никогда не развеется.

Хозяин и Лариса остановились у небольшого кафе, о чём-то тихо переговариваясь. Как много ни говорил с ней хозяин, Мике, к сожалению, ещё оставались неясными большинство слов. Когда хозяин и Лариса зашли внутрь, Мика хотела последовать за ними, но хозяин остановил её перед дверью:

– Сидеть, Мика, сидеть, – удивлённо посмотрев на хозяйку, она всё же осталась снаружи. – Ждать.

И дверь в кафе захлопнулась прямо перед её носом. Немного покрутившись около неё, Мике ничего не оста-

валось делать, как выполнять веление хозяина. Вокруг было много людей. Белое небо, казалось, опустилось на землю и укрыло своими просторами весь земной шар. «Last Christmas, I gave you my heart...» – играла в колонках красивая мелодия, в такт которой Мика, сама того не замечая, начала вилять хвостом. Иногда ей даже казалось, что она понимает слова песни – не дословный перевод, конечно, но как будто сердце подсказывало ей их значение. Медленно падающий снег создавал атмосферу настоящего Рождества.

Мика не знала, сколько прошло времени: один час, два, а может, целая вечность. Всё это время она послушно сидела у дверей кафе, выполняя данную ей команду, но, когда начало темнеть, в душе поселилась тревога. Плохое предчувствие чего-то неотвратимого сосредоточилось вокруг неё, словно невидимый монстр разинул над бедной собакой свою огромную пасть. Люди постепенно расходились. Мика попрощалась с Жужей, потом с аристократкой Арфой, а потом и с вечно хмурым котом Борисом. Кафе опустело; в нём погас свет, и вместе с этим светом будто что-то щёлкнуло глубоко внутри.

Стало совсем темно. Заметно похолодало, и Мика немного прошлась, разминая замёрзшие лапы. Она вышла из тени умершего кафе в свет фонаря и растерянно огляделась. Ни души.

Это было очень странное чувство, которое Мика испытывала впервые: она была предоставлена самой себе. По-насто-

ящему. Сейчас никто не держал её за поводок, не звал назад домой, и никто не просил принести назад любимую игрушку. Единственное, о чём её попросили в последний раз, – это сидеть и ждать. Сколько, кого, зачем? Никто не знал. И Мика цеплялась за эту просьбу, как за спасительную соломинку, может быть, она недостаточно ждёт, и надо подождать ещё?

Мика очень замёрзла. Она боялась пошевелиться, потому что тогда из неё могло уйти то тепло, которое ещё хранилось где-то внутри. Её пепельно-розовый свитерок намок от большого количества снега и теперь неприятно лип к телу, совершенно не согревая.

Прошло достаточно много времени. Тревога, неприятным ноющими комком поселившаяся в сердце, растеклась по всему сознанию и теперь неприятно вилась вокруг, словно надоедливая муха. Наконец, Мика поднялась и приняухалась. Среди миллиона запахов внешнего мира ей показался один, до боли знакомый, и она, недолго думая, пошла за ним.

Ранее столь весёлый и оживлённый парк теперь напоминал страшный дикий лес, деревья которого обступали маленькую собаку со всех сторон. Дорога, по которой шла Мика, была освещена редкими фонарями, что создавало небольшую иллюзию правильности её действий, однако за границей этого света мир растворялся в темноте. Из-за каждого ствола ей мерещился большой зверь, похожий на монстра из страшилки Жужи про волка-собакоеда, и тогда Мика семенила быстрее; но тогда и большая мохнатая тьма, каза-

лось, двигалась быстрее, перелетала от дерева к дереву, тянулась к Мике своими противными щупальцами, от которых она шарахалась, прыгая в спасительный ореол света.

Но вот и фонари вскоре закончились. Мика растерянно остановилась у последнего фонарного столба, не решаясь ступить дальше, а тьма, казалось, смотрела в ответ на неё своими большими невидимыми глазами.

Вдруг в темноте действительно блеснули глаза. Постепенно они становились всё ближе и ближе, и вместе с ними приближался ужасающий шум. Мика, не придумав ничего лучше, припала к земле и закрыла голову лапами. А чудовище с нереальной скоростью пронеслось мимо и скрылось где-то далеко за чертой парка.

Для того, чтобы успокоить моего дорогого Читателя, я скажу, что монстр, которого так испугалась Мика, был обычным поездом городского метрополитена. Несомненно, Мика была умной собакой, но всё же не настолько, чтобы знать, как выглядят поезда, и я очень надеюсь, что Читатель простит её за это.

В конце аллеи показался силуэт какой-то собаки, и Мика сперва этому очень обрадовалась, пока не увидела, что это огромный доберман. На нём был большой тёмно-синий ошейник с золотой звёздочкой, какая бывает у полицейских собак. Доберман сначала не заметил Мику за полоской света и прошёл мимо, но затем вернулся и стал пристально разглядывать.

– Ты потерялась? – после долгих раздумий наконец спросил он. Не дождавшись ответа, пёс тихо продолжил: – Где твой хозяин?

– Откуда ты знаешь, как его зовут? – всё-таки подала голос Мика, опустив взгляд на свои короткие лапки. Доберман явно не понял, о чём она спросила, а потом вдруг беззлобно рассмеялся, на что Мика недовольно насупилась.

– Почему ты смеёшься? – грустно спросила она.

– Потому что хозяин – это не кличка.

– А что же это?

Доберман на минуту задумался, а затем серьезно ответил:

– Должность, требующая огромной ответственности, – он немного помолчал, будто обдумывая собственные слова, а затем ещё раз переспросил. – Так где твой хозяин?

– Не знаю, – просто ответила Мика.

Оба умолкли. Мика подняла глаза вверх, туда, где горел среди тьмы огромный жёлтый фонарь. В его свете было видно, как кружатся снежинки в известном одним им танце, как сначала они спокойно спускаются вниз, к земле, а затем резко дёргаются вверх из-за лёгкого дуновения ветра. Мика почему-то сравнила их с собаками – также бегают друг за другом в надежде поймать мячик. На душе стало тоскливо.

–Сократ! Сократ, назад!

В конце дороги показался силуэт человека, который кого-то звал, и доберман, немедленно обернувшись назад, побежал ему навстречу, оставив Мику грустно смотреть тому

вслед. Человек присел перед своим псом на корточки, потрепал за ухом и хотел пристегнуть к шее поводок, но тот увернулся и повёл своего хозяина в сторону Мики.

Человек разглядывал её некоторое время, а затем вдруг подхватил на руки, и вот уже Мика оказалась закутанной в большое тёплое покрывало.

– Как тебя зовут хоть, – тихо пробормотал хозяин добермана, разглядывая ошейник таксы. – Ми-ка... Мика. Не волнуйся, Мика, найдём мы твоего хозяина.

С этими словами мужчина слегка свистнул, и Сократ размеренно зашагал рядом с ним, искоса поглядывая на таксу. А Мика, первое время упираясь лапками, вскоре устала бороться, положила голову на плечо и теперь с интересом наблюдала за картиной снежной ночи вокруг. Теперь уже и тьма среди деревьев не казалась такой страшной, а даже пушистой, обволакивающей, и сам парк стал будто светлее от падающего снега. В душе снова поселилась вера в то, что хозяин найдётся, и всё будет хорошо.

Вскоре аллеи стали пересекаться чаще, появились фонари и новогодние гирлянды на деревьях, а ещё чуть позже до чуткого уха Мики долетел шум машин с эстакады, и вот они вышли на большую аллею, в конце которой стояла арка главного входа. Но это был не тот вход, а какой-то другой, незнакомый для Мики. По секрету скажу Читателю, что произошло на самом деле: Мика так долго шла, ища хозяина, что просто прошла парк насквозь. Впрочем, она об этом пока что

не знает, но обязательно когда-нибудь догадается. Я в этом не сомневаюсь.

Всё это время Сократ ни разу ни на кого не твякнул, не вильнул хвостом при виде снега, и Мика невольно удивилась его серьёзности. Впервые она видела таких серьёзных собак вблизи. «Интересно, – подумала Мика, – они умеют веселиться? Хотя бы иногда? А вдруг, – Мика повернула голову и посмотрела вслед ещё одному большому псу, прошедшему мимо, – есть собаки, которые созданы, чтобы веселиться, а есть собаки, которые созданы, чтобы быть серьёзными. Наверное, у них очень тяжёлая жизнь, ведь трудно быть серьёзным постоянно». Дальше Мика начала вспоминать, когда она бывает серьёзной и бывает ли вообще, когда бывал серьёзным её хозяин и в целом другие люди, и закончить мысль о собаках сил уже не хватило. Да и, надо признать, сил уже не хватало ни на какую мысль: глаза у Мики начали слипаться, и она очень быстро провалилась в сон.

Когда Мика проснулась, было ещё темно, но электронные часы подсказали ей, что наступило раннее утро. (Прошу обратить внимание моего Читателя на то, что Мика умела пользоваться часами, а это является существенным доказательством её ума.) Мика спала, завёрнутая в кусок лоскутного одеяла, в незнакомой, но очень милой квартире. Тихо тикали часы. Свой пепельно-розовый свитерок Мика нашла на батарее, где он сушился после вчерашней прогулки. Такса стащила кофту с батареи и, кое-как надев, тихо прошла к

двери, которая оказалась незапертой.

– Хочешь уйти?

В темноте коридора лежал Сократ, грациозно положив голову на лапы, и его большие чёрные бусины-глаза блестели во мраке.

– Я хочу найти своего хозяина.

– Ты потеряешься. Хозяин – мой, то есть – работает в полиции. Он уже развесил объявления о твоей пропаже. Когда твой хозяин увидит это объявление, он придёт и заберёт тебя.

Мика с секунду колебалась, но после решительно скользнула за дверь.

Улица встретила её утренним холодом и пустотой. Ни единого звука, даже собака нигде не гавкнет. Мика попыталась настроиться на правильный запах, но не было даже намёка на него, поэтому она, немного потоптавшись на месте, пошла в сторону оживленной дороги. Не могу сказать Вам, мой дорогой Читатель, правильно ли поступала Мика или нет. Конечно, она не могла знать, в какой стороне находится её дом, и шла явно не в его сторону. Однако она куда-то шла, и это уже было большим для такой маленькой собаки, как она, делом.

Дорога ожила вместе с ранним рабочим утром. Прохожие, одетые в одинаковые чёрные куртки, шныряли туда-сюда, так и норовя задеть маленькую Мику ногами. Прижавшись к краю тротуара, она с интересом рассматривала новый для неё мир. Улица, на которой она оказалась, была по-

дозрительно похожа на ту, что вела к парку, что вселило в Мику небольшую надежду. В предрассветных сумерках даже машины и трамваи не казались страшными, но их запах... он заглушал все остальные.

Мика ненадолго остановилась около большой витрины магазина и заглянула внутрь. Видимо, это была кондитерская лавка, потому что внутри такса разглядела огромные горы чего-то разноцветного. Такие же разноцветные штуки хозяину дарили на Новый Год. Мика перевела взгляд ближе и увидела большого Дед Мороза, который добродушно улыбался и махал ей рукой. Читатель уже знает, что Мика была воспитанной собакой, поэтому она радостно завиляла хвостом и даже тихонько тьякнула в ответ. Дед Мороз, казалось, не обратил на неё никакого внимания, и тогда Мика тьякнула чуть громче, посчитав, что тот её не услышал, но Дед Мороз снова никак не отреагировал. Тогда Мика подумала, что он просто её не видит, и, опершись лапками на стекло витрины, тьякнула ещё раз. Дед Мороз снова её проигнорировал, зато не проигнорировала какая-то женщина за стеклом, махавшая на Мику кипой газет. До её острого уха донеслось недовольное «Чья это собака?!» и что-то вроде «Вон отсюда!», после чего такса благоразумно решила продолжить свой путь.

Представления, в какую сторону надо идти, у Мики не было, но всё это время она пыталась уловить знакомый запах. Иногда ей даже казалось, что она его услышала, но вскоре он

растворялся, как растворяется утренний туман над рекой.

Уже рассвело, а улица, по которой шла Мика, и не думала заканчиваться. Конечно, она была маленькой собакой, и все вещи в этом мире казались ей больше, чем всем остальным, но конкретная улица была действительно длинной. Среди собак, которых она встретила, не было ни одной знакомой морды, и спрашивать у них о своём местоположении Мика не осмеливалась. Но вдруг, однажды обернувшись назад, она всё-таки увидела знакомую фигуру.

– Это ты? – грустно спросила Мика, продолжая трусить в неизвестном направлении. Сократ сбавил скорость и остановился рядом с ней. – Зачем ты пришёл?

– Не хочу, чтобы ты снова потерялась, потому что тогда найти тебя будет сложнее. Мика, – он преградил ей путь, – от того, что ты будешь постоянно куда-то идти, хозяин быстрее тебя не найдёт. Не нужно сейчас никуда уходить. Пожалуйста, пойдём домой.

Мика тяжело вздохнула, но всё же последовала за ним.

– *К тебе* домой.

Когда они вошли, в квартире горел свет, и вчерашний мужчина что-то делал за плитой.

– Какая шустрая, однако, у нас барышня. Глаз да глаз за ней нужен, – он подошёл к доберману и потрепал его за шей. – Молодец, дружок.

Мика сразу нашла своё место под батареей, на котором спала прошлой ночью, и пролежала там весь день. Хозяин

Сократа пытался с ней играть, кинул пару раз мячик, но Мика только скучающе отодвинула его лапой, и он отстал, всё же оставив рядом с таксой пару игрушек. После Сократ и мужчина куда-то ушли, и Мика осталась одна.

Утро сменялось вечером, ночь днём, а хозяин Мики так и не появлялся. Наверняка мой Читатель уже давно понял, что произошло, но давайте пока не будем говорить об этом Мике? Она сама когда-нибудь догадается, ну или ей скажет новый друг Сократ, а пока... Пусть будет так.

За это время Мика успела немного привыкнуть к новой атмосфере и даже подружиться с некоторыми домочадцами. Оказывается, в доме хозяина Сократа жила ещё какая-то девушка по кличке Дина. Она сразу прониклась к Мике симпатией, постоянно теребила её, пыталась играть и выгуливала в тот самый злосчастный парк, который открылся для Мики совершенно с другой стороны. Много раз Мике, когда Дина спускала её с поводка, хотелось убежать прочь, туда, где, может быть, искал её хозяин. Ей казалась, что он ищет её на месте, на котором оставил, а она, получается, предала его, ушла оставила... Но потом какой-то более разумный, спокойный голос говорил ей, что не нужно повторять собственные ошибки. И Мика так и стояла подолгу, глядя в тёмное пространство парка, а затем медленно шла за Диной, хотя её сердце, словно магнитом, тянуло в противоположную сторону.

Несмотря на это, Дина тоже понравилась Мике. Так, когда

попадаешь в замкнутый круг, невольно начинаешь искать в нём кого-то близкого по душе, и Мика, от нечего делать, начала отвечать на игры Дины и хозяина Сократа. Сам Сократ тоже иногда подбадривал таксу, когда бывал дома, но в дневное время он часто где-то пропадал, что для Мики оставалось пока неясным.

Вообще, надо признать, Мика привязалась к этой семье. Здесь она чувствовала себя живой, а не исполняющей свою собачью обязанность ежедневно радовать хозяина. Ей даже начало казаться, что в сравнении с этими людьми её хозяин тоже был не живым, а лишь исполняющим обязанность хозяина; что все игры и подарки были натянутыми, не от чистого сердца.

Между тем настал знаменательный день. Мика не сразу поняла, что он настал – только когда сказал Сократ. Забившись далеко под ёлку, она рассматривала волшебный мир из шариков и гирлянд, когда доберман позвал её за стол.

– А что там будет? – спросила Мика, торопливо семеня за Сократом по тёмному коридору.

– Как – что? Сегодня же праздник!

– Какой?

– Ты не знаешь?..

За столом уже сидели Дина и хозяин, весело болтая. Напротив них стояло ещё два стула, на один из которых безропотно запрыгнул Сократ.

– Мика, садись. Скоро будет угощение.

Мика снова растерялась. Раньше она никогда не сидела за столом, ведь обычно хозяин запрещал ей это делать, и такса сидела где-то у его ног, довольствуясь собственной компанией и печеньем, которое протягивала рука кого-то из гостей. Она толком и не знала, чем занимались те люди, которые приходили к хозяину в гости, просто всегда была рядом, и теперь чувствовать себя членом этого тайного общества было крайне необычно.

Впрочем, Мике так и не удалось запрыгнуть на своё место, потому что стул, который ей поставили, был слишком высоким. После нескольких неудачных попыток хозяин Сократа сжалился над ней и, подхватив собаку подмышки, посадил на табуретку, после чего все начали что-то праздновать.

– С Новым годом, Дина! С новым счастьем! – и хозяин Сократа зачем-то укусил Дину, хотя та была вроде бы даже довольна. Мика не поняла суть данной процедуры, но про себя решила, что это что-то вроде виляния хвостом у собак.

Дина повязала Мике на шею красивый бант, и все приступили к трапезе. По телевизору показывали какой-то фильм, который Мика видела ещё у предыдущего хозяина, за окном крупными хлопьями падал снег, а такса думала о своих незнакомых до этого времени чувствах.

Мика попыталась вспомнить все Новые года, встреченные ею в этой жизни. Сделать это оказалось непросто, хотя бы потому, что их было не так уж и много, но Мика смогла. Был один Новый Год, который она и ее хозяин встречали одни:

они сидели около камина, смотрели фильм (конечно, он был про собак) и ели что-то похожее на собачий корм, только для людей. Потом был ещё один Новый Год (Мика не смогла вспомнить их последовательность), когда пришло много гостей, накрыли тот самый пресловутый стол, под которым она сидела, и гости иногда протягивали ей с него угощения. Именно на тот праздник хозяин подарил ей пепельно-розовый свитерок, который с тех пор Мика носила в каждую холодную погоду. Был ещё один Новый Год, уже менее весёлый – хозяин куда-то ушёл и не возвращался до утра, поэтому Мика провела Рождественскую ночь под ёлкой в своих собачьих мечтах. А больше праздников она не припоминала.

Вдруг где-то начали раздаваться взрывы, и Мика, не помня себя от страха, забилась под ближайшую мебель, откуда её тут же вытащил хозяин Сократа.

– Тише, тише. Это всего лишь салют, – он успокаивающе погладил таксу по голове и поднёс к окну. И, действительно, Мика не увидела за окном ничего страшного, а только что-то волшебное. Она увидела, как где-то высоко в небе между хребтами небоскрёбов распускались и тут же увядали огненные цветы, оставляя после себя лишь обгоревшие лепестки. Это было завораживающе красиво, и вместе с этим салютом какая-то другая мысль пришла к ней в голову. Точнее, нет, не пришла – она была уже давно, только в начале она была слабая, не стоящая внимания, а теперь переросла в серьёзную идею, которую Мика хотела осуществить.

– Сократ... Ведь мой хозяин бросил меня, да?

Доберман удивлённо посмотрел на неё, не зная, что ответить.

– Почему ты так подумала?

Мика не ответила.

– Люди, как и большинство разумных существ, бывают несправедливы, – с грустным вздохом произнёс Сократ. – Эгоистичны. Несерьёзны, когда речь идёт о серьёзных вещах, и до противного серьёзны, когда дело касается мелочей. Быть хозяином – это очень большая ответственность, Мика. Ты обидишься, если я скажу, что твой хозяин...

– ...не был ответственным? – доберман кивнул. – Нет, он был. Кормил меня. Выгуливал. Играл со мной. Делал всё то, что должен делать хозяин.

– Но всё это должно идти от сердца.

– Возможно, – Мика замолчала, рассматривая волшебные цветы в небе, на фоне которых померкли ясные зимние звёзды. – Но я всё равно благодарна ему за всё то, что он для меня сделал, – она грустно усмехнулась, глянув на батарею, – хотя бы за мой любимый свитер.

Мика ещё немного помолчала. Где-то в коридоре напольные часы пробили полночь.

– Хочу, чтобы у моего хозяина... – тут она запнулась, – предыдущего хозяина... было всё хорошо. Чтобы он был счастлив со своей новой Ларисой.

– Ларисой?

– Какая-то женщина, которая была с ним на нашей последней прогулке. Они улыбались друг другу.

Доберман что-то ещё хотел сказать, но промолчал.

– ...и чтобы мой новый хозяин стал мне настоящим другом.

– Ты серьёзно?.. – Сократ приподнял голову и радостно завилял хвостом.

– Ну да. Наверное, да... Я не знаю.

Как Автор, я скажу Читателю, что Дина и хозяин Сократа давно уже всё решили, но, конечно, ни Сократ, ни Мика об этом не знали, ведь мы помним, что они не до конца понимают нашу с вами речь.

Итак... Что я могу ещё Вам сказать? Не знаю, понял ли меня мой Читатель или нет, но я очень надеюсь, что да. Конечно, Мика подружилась с Диной, Сократом и его хозяином, но иногда, когда её никто не видит, она взбирается на подоконник, как в тот далёкий день, и вспоминает, как всё было. Как она ждала прихода хозяина, как думала, что никогда с ним не расстанется; о том, что она приносит ему радость, и что дружба между ними – настоящая. Как они пойдут вместе играть в парк, а потом придут домой, уставшие, но довольные. Иногда, когда Мика и Сократ гуляют в том парке, ей кажется знакомый силуэт с какой-то женщиной; но этот силуэт будто нарочно прячет от неё своё лицо, будто стыдится показать его таксе.

Не могу сказать Вам, дорогой Читатель, была ли счастли-

ва Мика. Наверное, да. У неё появились замечательные друзья, с которым ей было хорошо, тёплый дом и крыша над головой. Но, знаете, собакам трудно что-то менять в своей жизни... Особенно, если это хозяин.

Путешествие в Рождественскую ночь

Часть 1

На Северном полюсе было темно, глухо и холодно, как, собственно, и должно быть на Северном полюсе. Долгая полярная ночь уже несколько месяцев не сходила с этих бескрайних снежных земель, а хлёткая гибкая вьюга который день подряд заметала следы какой-либо жизни в бесконечной тундре. Арктическая пустыня раскинула свои бескрайние просторы на много километров вокруг, и среди них был слышен только грустный вой одинокого ветра, которому иногда вторил заплутавший голодный волк.

Но не всё было так мертво в этом заброшенном царстве зимы. Каждый ребёнок на Земле знает, что в Рождественскую ночь Санта-Клаус разносит подарки, а во всё остальное время живёт, конечно же, в огромном дворце вместе со своей свитой на Северном полюсе. Именно так оно и есть, поэтому, пожалуйста, не удивляйтесь, если вдруг среди ледяных просторов Арктики Вы встретите большой рождественский замок, в котором и начинается эта история.

Маленькая эльфийка по имени Лира сидела за рабочим

столом и упаковывала последние подарки. Она поступила на службу к Санта-Клаусу всего пару лет назад, и сегодняшняя ночь должна была стать для неё дебютной: это было её первое путешествие в Рождественскую ночь. Именно поэтому она очень волновалась, и даже настойчивые убеждения соседей по цеху не смогли её до конца успокоить.

Лира положила последний подарок в свои маленькие сани и глянула на часы: у неё ещё было немного времени. За окном бушевала метель, и мысль о том, что совсем скоро ей придётся ехать сквозь неё в далёкий-далёкий город, не очень грела, но больше всего ей было жалко Сёрвина – маленького оленёнка, который вёз её сани. Несмотря на то, что оленёнок уже давно был не оленёнком, а самостоятельным взрослым оленем, да и Лира была не совсем уж маленькой эльфийкой, всё равно для всех олень был оленёнком, а Лира – маленькой эльфийкой. Карликами, как сказали бы у нас.

Северный ветер распахнул заледеневшее окно и перевернул лежавшие на столе лоскутки лент и обёрточную бумагу. Тусклое мерцание звёзд слабо пробивалось сквозь пелену белых туч, которые заволокли собой практически всё. Лира пододвинула табуретку и, кое-как поднявшись на неё, закрыла окно, которое мгновенно запотело изнутри. Её комната находилась в одной из башен огромного замка Санта-Клауса практически под небом, и, как иногда казалось Лире, острый шпиль этой башни царапал собой белые мягкие облака, которые никогда не рассеивались, испарявал их, как подушки,

и именно поэтому на Северном полюсе безостановочно шёл многомесяцевый снегопад.

Около двери прозвенел тонкий серебряный колокольчик. Лира, взяв под уздцы Сервина, который был уже в полном обмундировании, вышла в коридор и сразу слилась с плотным потоком. Тысячи, нет, миллионы эльфов спускались в главный зал, издали провозглашавший о себе ослепительным блеском новогодних огоньков на большой ёлке и звоном рождественских колокольчиков на упряжке Святого Николая.

Когда Лира наконец спустилась в зал, всё было занято, и ей опять пришлось стоять далеко от происходящего. А посмотреть было на что: огромная ель высотой с пятиэтажный дом украшала центр зала, переливаясь огоньками из золотого в серебряный; гигантские новогодние шары, в которых с лёгкостью бы поместился эльф, медленно плыли каждый на своё место и цеплялись за еловые лапы; шоколадные шишки сами падали в руки, а имбирные пряничные человечки наполняли воздух приятным ароматом.

Где-то протрубил горн, большие дубовые двери с грохотом распахнулись, и из них, сверкая в своём неповторимом великолепии, выехали сани Санта-Клауса, запряжённые знаменитой девяткой. Вся упряжь была увешена круглыми бубенцами, и при каждом движении оленей они заглушали своим неповторимым рождественским звоном все остальные звуки.

– Когда я был совсем маленьким, я мечтал хоть один разочек провезти эти сани, – тихо сказал на ухо Лире Сервин. – Жаль, я тогда не знал, что все места уже заняты: не надо было бы зря надеяться.

– Я тоже мечтала хоть разочек прокатиться в них, – немного грустно ответила Лира. – Но зато сейчас у нас есть собственные сани, и в них мы можем ехать куда угодно.

Под громкие аплодисменты эльфов Святой Николай, тряхнув для лучшего эффекта упряжью, ударил вожжами, и олени, сначала не спеша, а потом всё быстрее и быстрее, понесли сани в непроглядную зимнюю ночь.

Вслед за Санта-Клаусом потянулись и другие эльфы: забренчали уже скромнее крохотные сани с парой десятков подарков внутри, да и запряжены они были двумя оленями максимум. Ещё некоторое время провожая взглядом отдаляющийся силуэт, Лира тоже села в свои сани и взяла в руки упряжку.

– Вперёд, Сервин! Курс на Винтербург!

Часть 2

Дворец Санта-Клауса давно остался позади, и теперь вокруг Лире опустилась тихая зимняя ночь. Метель стихла. Полная луна, ярким фонарём висевшая в небе, задумчиво смотрела на мир под собой белым слепым глазом, и только

скрип снега под копытами Сервина и одинокий звон колокольчика чужеродно раздавались над белой пустыней. Дин-дин-дин, дин-дин-дин. Где-то очень далеко взвыл от голода волк, и Лира трусливо поёжилась: может быть, она и хотела бы накормить его, но ей точно не хотелось кормить его собой. Сервин ускорил бег, и тонкие серые нити облаков поплыли быстрее в противоположную от саней сторону.

Они выехали на холм, круто уходящий вниз, и вдруг над ним что-то ярко вспыхнуло зелёным необычным светом.

– Лира, Лира, смотри! Северное сияние! – позвал её Сервин, остановившись. – Ты когда-нибудь видела северное сияние?

– Нет... – выдохнула Лира, поднимаясь в санях, чтобы лучше видеть. – Очень красиво.

Так они и стояли, любуясь изумрудно-фиолетовыми переливками, на одном из тысяч снежных холмов в стране зимы, пока тихая рождественская ночь медленно шла по земле.

– Сервин... – тихо позвала Лира, вовремя оторвав взгляд от северного сияния.

– Да-да, сейчас поедем...

– Сервин!

– Ещё одну минутку, Лира...

– Сервин, волки!

Услышав одно только слово «волки», Сервин рванул с места что было сил. Несколько голодных зверей медленно подкрались к неопытным путешественникам, пока те наблюда-

ли за красотой природы, и один из них уже приготовился к прыжку. Жёлтые глаза, словно два маленьких светлячка, вспыхнули в темноте оврага, а в следующую секунду тяжёлое тело приземлилось на место, где мгновением ранее стояли сани.

Морозный воздух резал лицо, пока сани на полной скорости мчались в неизвестном направлении, глаза слезились, застилая обзор, а длинный шерстяной шарф, развязавшись, грозил слететь с шеи Лире. Она на ходу поднялась в санях и обернулась: волки бежали попятам в непозволительной близости. Их было всего четыре, но в тот момент Лире они показались целой стаей изголодавшихся диких зверей, готовых на всё ради добычи. Сервин, не помня себя от страха, летел вперёд, словно хотел обогнать ветер, и только мелькали под копытами оленя серебряные лунные блики на ледяной затвердевшей корочке.

Белая большая луна мертвецким пятном висела прямо по курсу над горизонтом и отражалась блёклым хрусталиком в тёмных оленьих глазах. Сервин пытался вспомнить, чему его учили: надо отвлечься от погони, погрузиться в мысли, о чём-то задуматься, чтобы не чувствовать усталости в перенапряжённых мышцах. Но о чём? О чём можно думать, когда за спиной бегут четыре обезумевших хищника, а исход этой гонки зависит от тебя? Сервин снова поднял глаза на луну, стараясь не слышать рваное дыхание волков позади. Луна всегда играла важную роль в оленьем роду: у них считалось,

что именно их северные предки везут по ночному небосводу волшебную колесницу, в которой восседает покровительница спокойного времени суток Луна. А звёзды рядом с ней – это маленькие олениа, которые спустя года, а может быть, столетия, сойдут на землю, чтобы потом снова вернуться на небосклон. У оленей было поверие, что тот, кто проживёт свою жизнь достойно, займёт место в упряжке госпожи Луны, и эта вера была настолько сильна, что за тысячелетия за оленьим именем закрепилаь легендарная приставка – «благородный».

Бежали они долго, и Лира чувствовала, как всё тяжелее становится дыхание оленя, как всё чаще он спотыкается о снежные камни. А волки, казалось, и не думали уставать: они всё бежали и бежали, поочерёдно сменяя друг друга. Лира, крепко вцепившись в края саней, судорожно пыталась вспомнить, что надо делать, когда за тобой гонится голодная стая волков. «Первое, про что ты должна знать, когда окажешься в непредвиденной ситуации один на один с голодным зверем, – всплыли в сознании слова её соседа, – хищники боятся резких звуков». Огромная пасть щёлкнула очень близко от лица Леры, и краешек шарфа остался в зубах голодного волка. «Вторая, очень важная вещь, о которой следует помнить – все животные без исключений боятся огня». Ещё две морды потянулись в медленном прыжке к краям саней, но так и остались за бортами. «И третье, что может однажды спасти тебе жизнь, – никогда не поворачивайтесь к

агрессивному зверю спиной, потому что он воспримет это как сигнал к действию». «Не поворачиваться спиной. Резкий звук. Огонь», – обрывками пролетели мысли у Лиры в голове.

– Сервин! – крикнула она, стараясь перекричать свист ветра. – Я сейчас попробую отвлечь волков, но, что бы ни случилось, не оборачивайся назад! Ни в коем случае!

Сервин только мотнул рогами в знак того, что слышал, потому что говорить у него не было сил.

Лира, держа волков в поле зрения, слепо пошарила по дну саней в поисках какой-нибудь деревяшки. Она эльфийка. Она умеет колдовать. Может быть, не на первом классе уровне, но наколдовать огонь она точно сможет. Что-то похожее на дерево подвернулось под руку – это оказался старый сигнальный факел, лежащий в каждой санях на крайний случай. Не сводя глаз с волка, который вырвался вперёд и бежал за санями на расстоянии вытянутой руки, Лира что-то прошептала, и яркое пламя вспыхнуло весёлым огоньком.

Громкий визг разрезал морозное пространство Северного полюса.

Сервин, не ожидавший резкого звука прямо у себя над ухом, хотел обернуться, но вовремя вспомнил слова Лиры и, снова предавшись мыслям о луне, только ускорил темп. Главный волк затормозил, сбитый с толку, и один из его сородичей по инерции влетел в него, но другие два сразу сообразили и, перемахнув через образовавшуюся свалку, слов-

но два брата близнеца, погнались за санями. Они синхронно прыгнули, и оба одновременно взвыли от боли, когда горящий факел опустился ровно на их морды. Два волка упали, катаясь по земле и пытаясь потушить в снегу пламя, и их силуэты отдалялись всё дальше и дальше, пока, наконец, совсем не скрылись из виду.

Они ещё долго бежали по бескрайней занесённой снегом тундре, опасаясь погони. Ноги у Сервина заплетались, он спотыкался о каждую неровность и шероховатость и тяжело хрипел, ежеминутно сплёвывая образовавшуюся пену. Лира едва потянула вожжи, чтобы он остановился, и от этого лёгкого движения олень рухнул на землю, высунув язык от изнеможения.

– Не зря я волновалась, – тихо сказала Лира, опустившись на колени рядом с Сервином.

– Зато, – глухо ответил он, восстанавливая дыхание, – мы преодолели уже треть пути. Вон, впереди – Заспанные горы.

Действительно, впереди виднелись почти пологие на первый взгляд белые возвышенности. Заспанные горы были относительно невысокими и некрутыми, напоминая скорее большие холмы, покрытые лесом, чем горы. Чёрная хвоя редко пестрела на белоснежном фоне маленькими чёрточками; стволы деревьев, занесённые за долгие года зимы со всех сторон снегом, сливались с окружающим пейзажем, и от невозможной белизны на земле было видно даже тени, которые отбрасывали деревья в лунном свете. Единствен-

ным звуком, помимо рваного дыхания Сервина и Лиры, был скрип старых сосен, будто корабельная мачта медленно наклонялась во время шторма сначала в одну сторону, затем в другую.

Снова зазвенел колокольчик. Красные сани, тихо скрипнув полозьями о наст, неспешно покатались дальше, освещая дорогу старым сигнальным факелом. Фонари, которые должны были бы указывать путь вместо него, пришлось снять, потому что, как показала практика, были очень ненадёжными: при беге Сервин постоянно бил стекло, и в худшем случае сани быстро охватывал огонь.

Перед входом в лес и Лира, и Сервин на мгновение замерли, подняв голову вверх. Спокойствие, в которое хотелось окунуться с головой, обманчивой пеленой рассеялось между каждым стволом, вязким туманом опустилось на землю, запуталось в кронах и теперь медленно, но верно проникало невидимым ядом в сознание путников, которые вдыхали его сладковатый аромат полной грудью.

Едва заметная тропа примятым снегом уходила вверх, где вскоре терялась среди полумёртвых сосен. Робко брякнул колокольчик, и Сервин кроткой рысью поскакал в глубь леса, откуда за ними незаметно наблюдала чёрная пушистая тьма. Лира сняла с шеи шарф и придирчиво осмотрела: крупная вязка грозила распасться в руках от одного неаккуратного движения. Она что-то прошептала, и вот уже толстые нити быстро зашевелились, срастаясь в единый замысловатый

узор и образуя заново порванный шарф, будто ничего и не было. Поплотнее закутавшись, Лира подняла глаза на небо: звёзды мерцали маленькими бриллиантиками, выстраиваясь в те самые созвездия, которые так часто описывают в книжках. Надо признать, она редко наблюдала звёзды: в замке Санта-Клауса их часто не было видно из-за бесконечной метели, так что и луна в скором времени превращалась в размазанное пятно света на небосклоне. А здесь они были совсем другие: тихие, ясные, словно кто-то разбил вазу, и стеклянные осколки разлетелись во все стороны. Лира вспомнила, как в какой-то книге ей встретилось сравнение звёзд с росой; но она никогда не видела росы, и даже не представляла, что это такое, потому что на Северном полюсе нет живой зелёной травы, нет и тумана, который на горячем рассвете мог бы осесть на неё каплями, нет и горячего рассвета, а есть только зимний, морозный, когда маленькое солнце наконец поднимается над горизонтом, зажигая лёд тысячами искр, чтобы не сойти с небосвода ближайšie шесть месяцев.

Гулкий рокот, напоминающий звук при сходе лавины, прокатился широкой волной по окрестностям леса и маленькими бусинками рассыпался между деревьев. Лира поднялась в санях и внимательно осмотрелась, но не увидела никакого движения. «Не здесь, наверное», – подумала она, и только в последний миг заметила боковым зрением, как мелькнула между стволами большим пятном чёрная тень.

– Сервин, тормози! – крикнула Лира, и в этот же момент

прямо перед носом оленя приземлилось нечто большое и мохнатое.

– Давно в Заспанных горах не было путников, – промурлыкало существо, лениво обходя сани кругом. – Кто это? Неужели верный помощник Санта-Клауса, трудолюбивый эльф, спешит доставить подарки на Рождество ожидающим детям? – спросило оно, опускаясь перед санями, так что Сервин невольно попятился. Два красных огонька, словно тлеющие угли, светились рубиновым светом на фоне чёрной шерсти и с явным любопытством рассматривали путешественников. «Йольский кот», – обречённо подумала Лира, разглядывая размером с быка животное. Догадавшись, что кот ждёт ответа, она набралась смелости и громко сказала:

– Да, мы направляемся в Винтербург, чтобы доставить подарки. И, надо сказать, очень спешим.

Кот лёг на бок и, закрыв один глаз, хитро посмотрел сначала на Сервина, потом на Лиру.

– Винтербург... Первое путешествие в Рождественскую ночь, да?

– Откуда Вы знаете?..

Кот тихо засмеялся, обнажив острые белые клыки, а затем перевернулся на живот и замурчал, так что Лира почувствовала вибрацию, исходящую от земли. Вот откуда был этот звук, напоминающий сход лавины!

– Винтербург – самый близкий к Северному полюсу город, в который обычно отправляют новеньких. А новенькие

на то и новенькие, чтобы выбирать этот путь: самый короткий, быстрый, прямой, но главное – самый опасный.

Кот вытянул лапу, будто хотел потрогать оленя, и стальные когти на мгновение блеснули в свете луны, заставив Сервина отойти ещё на пару шагов назад.

– Почему самый опасный?

– Судя по Вашему медленному темпу, вы встретили волков? – эльфийка и олень настороженно переглянулись, после чего Лира коротко кивнула. – Потом на пути вам попался я, а я, знаете ли, не самый безобидный из здешних обитателей. Мало, чтобы считать путь опасным? Но, если вам действительно мало, самое интересное вас ждёт в Чёртовых ущельях, куда вы, скорее всего, и направляетесь.

И кот, довольный своим обезоруживающим монологом, сладко потянулся и широко зевнул, демонстрируя путникам кроваво-красную пасть.

– А что нас ждёт в Чёртовых ущельях? – неуверенно спросила Лира, слегка похлопав по спине Сервина, чтобы тот приготовился к бегу.

– О, а это вы узнаете, когда туда попадёте. Всё равно вы уже никуда не свернёте мимо этих гор, ведь, чтобы их обойти, понадобится два дня пути, а Рождественская ночь не бесконечна...

Олень отъехал немного назад, чтобы иметь место для манёвра, не сводя глаз с кота, который, в свою очередь, лениво наблюдал за его действиями.

– Спасибо за предупреждение, господин Йольский кот. Рождественская ночь действительно не бесконечна, а мы ещё должны привезти подарки... С Вашего позволения, мы продолжим свой путь.

– Продолжайте. Если сможете.

Всё произошло очень быстро. Кот сорвался с места, выстрелив, как пружина, и в этот момент Сервин бросился прямо на него, пробежав у кота под брюхом. Глухой удар, как будто упало что-то тяжёлое, прозвучал позади них, и Лира, обернувшись, увидела, как Йольский кот разворачивается и готовится к следующему прыжку. Большое чёрное облако промелькнуло справа от них, и сани шарахнулись влево, оставляя протянутую лапу в стороне. Зловеще сверкнули красные угольки и на миг пропали в темноте леса, чтобы снова появиться уже с другой стороны. Сервин петлял, как мог, увиливая от кота, который возникал то справа, то слева. Мохнатая тьма пролетела над Лирой, исчезнув между соснами, а в следующую секунду стальной коготь с противным скрежетом провёл по идеально гладкому дереву, оставляя рубец. Олень ринулся направо, сани опасно накренились, и Лире пришлось срочно налечь на левый борт, чтобы они не перевернулись. Дорога пошла вверх, и вот уже между двумя большими полупологими склонами показались вымпелы Чёртовых ущелий.

Когда Сервин влетел на каменистую площадку, означавшую начало новой горной системы, Лира увидела, как Йоль-

ский кот, раздражённо виляя хвостом из стороны в сторону, остановился у выхода из леса, провожая взглядом сани: дальше начиналась уже не его территория.

– Счастливого Рождества!.. – донеслось со стороны леса, и Йольский кот, сверкнув на прощание своими красными рубинами, исчез в Заспанных горах.

Лира проверила подарки – все ли на месте, ничего ли не сломалось – и, убедившись, что всё в порядке, обвела взглядом предстоящий путь. Чёртовы ущелья назывались Чёртовыми не просто так: узкие скользкие тропинки сплошными серпантинами обвивали острые скалы, между которыми зияла чёрная пропасть. Наверное, можно было бы спуститься вниз, чтобы не подвергаться лишней раз риску, но проверять глубину темнеющей бездны никто не хотел. До сих пор было неизвестно, обитает ли кто-то в Чёртовых ущельях, и если обитает, то кто, потому что ещё ни разу ни одна птица не пролетела через каменистые уступы и ни разу горный баран не огласил их своим цокотом. Иногда здесь пропадали человеческие путники, но их пропаже никто не удивлялся, потому что сорваться в бездонную тьму, неудачно оступившись, здесь ничего не стоило. Редко в Чёртовых ущельях было спокойно: большинство времени тут бушевала метель, делая непроходимыми и без того едва различимые дороги. Вот и сейчас где-то вдали плотной, почти чёрной стеной шёл непрерывный снег.

Хоть Чёртовы ущелья и считались необитаемыми, Лира

догадывалась, кто мог жить среди этих неприступных скал. Незванный гость – как и Йольский кот, и Грила, – приходу которого никто не будет рад. Лира практически ощутила напряжение, повисшее в воздухе, словно вот-вот должна была разразиться гроза, и сильнее сжала края саней, заглядывая за спину Сервина вперёд. Тонкий серебряный звон колокольчика эхом отражался от гор, и казалось, будто этот звон наполнил всё пространство между ущельями, привлекая внимание его опасных обитателей. На миг Лире ужасно захотелось снять бубенчик, но она сразу прогнала эту мысль – это было бы то же самое, что опустить флаг во время битвы, даже если он выдаёт местоположение.

Сервин тоже весь как будто напрягся, сжался; он очень внимательно смотрел под ноги, часто переходя с рыси на шаг, каждый раз наблюдая, как маленькие камешки, выскользнувшие из-под его копыт, исчезают в непроглядной темноте бездны. Полная луна жёлтым фонарём появилась на горизонте, освещая ледяную дорожку серебристым светом, и собиралась снова исчезнуть в серой густой вате. Надвигалась буря.

Когда они медленно въехали в непроглядный снежный туман, а снег острыми иголочками заколол лицо, Лира, прикрывая рукой факел, который грозил вот-вот погаснуть, вышла из саней и встала рядом с Сервином. Выбранная ими дорога была здесь довольно широкая: две большие повозки спокойно разъехались бы, даже не задев друг друга. Колю-

чий ветер бросил в лицо очередную порцию снега, который, казалось, летел параллельно земле, и дико завыл, будто хотел выплеснуть на заплутавших путниках всю свою ярость. Луна погасла, скрывшись за кучевыми облаками, и без того неясные звёзды померкли, а белый снег стал совсем серым, словно кто-то забыл его постирать. Пламя факела робко затрепетало и, несколько раз попытавшись противостоять разбушевавшейся стихии, погасло. Стало совсем темно.

Лира взяла Сервина под уздцы и пошла впереди, прижимаясь к холодной скале. Гулкий удар, похожий на набат, пробежал между гор, которые отзеркалили его в многотысячное эхо. «На этот раз точно лавина», – подумала эльфийка, пытаясь разглядеть какой-нибудь уступ, чтобы снова разжечь огонь. Вскоре она нашла его: тёмная пещера голодно смотрела на путешественников, готовая проглотить их целиком, и дышала холодным мертвецким воздухом, который исходил изнутри. Чем-то пещера напомнила Сервину жуткого морского чёрта, но тот сразу прогнал наваждение, стараясь не углубляться в плохие мысли. Лира разожгла огонь.

– Может быть, мы переждём здесь метель? – неуверенно предложил олень, поглядывая на едва различимое тёмное скачущее пятно на противоположной горе. Лира покачала головой.

– Нет, Сервин. Как сказал Йольский кот, Рождественская ночь не бесконечна, а метели в Чёртовых ущельях идут постоянно. Мы не можем ждать.

Ещё одна лавина сошла где-то далеко в горах, и гулкий звук, подобно грому, раскатился между скалами. Тёмное пятно, которое привлекло внимание Сервина, словно кузнечик, быстро двигалось по отвесным утёсам, пока не скрылось в расщелине, оставив после себя неприятное чувство чьего-то присутствия.

– Тогда в путь.

Снова жалобно зазвенел колокольчик, измученный злым ветром, и красные сани закрипели о заледеневший камень. Лира всё же зажгла фонари, которые теперь слегка мутноватым светом сквозь запотевшее стекло освещали дорогу, серпантинном уходившую куда-то вверх: старый сигнальный факел был слишком слаб, чтобы выдержать натиск выюги.

На миг Лире показался до ужаса знакомый звук: лязг цепей вместе с глухим ударом копыт о камень каплей упал в воздухе и смолк, уступая место ветру. Всё было по-прежнему: бедный бубенчик, вой метели, скрип саней о замёрзшую тропу. Лира несколько раз обернулась, пытаясь найти известный силуэт, но дальше света фонарей не было видно ничего, кроме мелькающих белых точек. Однако Сервину тоже показался этот звук; встревоженно подняв уши, он попросил Лиру сесть в сани, а сам, насколько это было возможно, побежал быстрее. Лира снова зажгла факел, который ежеминутно гас, но ничего, кроме тёмно-серых скал, в ореол света не попадало.

Вдруг лязгающий звук повторился уже намного отчётли-

вее где-то ярусом выше, и Лира, вскинув голову, увидела того, кого так боялась с детства.

Крампус.

Он стоял прямо на дороге, преграждая путь дальше, и смотрел сверху вниз на сани невидимым взглядом. Лицо было скрыто в тени большого капюшона, который он никогда не снимал, так что возникал вопрос, есть ли у него вообще что-то под этим капюшоном или нет. Длинные козлиные рога, немного скруглённые к концам, почти касались жуткого мешка за спиной, в котором лежали точно не подарки для детей; тяжёлые цепи, достающие до пола, при сильном порыве ветра гремели друг о друга, и каждый удар сопровождался тихим побрякиванием бубенчиков. Но это были не такие бубенчики, как у свиты Санта-Клауса, нет: это были грубые, медные колокольчики, чей призрачный звон наводил не приятное чувство приближающегося Рождества, а липкий ужас чего-то неизбежного и безвозвратного. Большие раздвоенные копыта выглядывали из-под рваных лохмотьев, и длинные когти на потемневших, обросших шерстью руках задумчиво цокали друг о друга.

На миг Лире показалось, что она слышит его хриплое прерывистое дыхание, но вдруг Крампус взмыл вверх и тяжело приземлился неподалёку от красных саней. Ржавые цепи с грохотом стукнулись о холодный камень, забрякали призрачные колокольчики, и снег, вылетевший из-под копыт Крампуса, лёгкой пылью ударил в лицо Лире. Страх сталь-

ным ошейником сдавил горло, и ей оставалось только наблюдать, как стремительно растворяется силуэт Крампуса в нескончаемой метели.

Сервин летел, как мог. Так он не бегал ни от волков, ни от Йольского кота. Ритмичный лязг цепей хлестал не хуже кнута, заставляя всё больше и больше увеличивать скорость. Крампус был настоящим монстром, чудовищем, которого следовало бы опасаться, что Сервин с Лирой и делали. Крампус бежал то большими, размашистыми шагами, демонстрируя обросшие шерстью козлиные ноги, то длинными дугами перепрыгивал с одного уровня серпантина на другой, и каждый раз сердце Лире тревожно замирало в ожидании, когда тяжёлая туша приземлится на хрупкие красные сани.

Наконец, этот момент настал. Сначала Крампус на некоторое время пропал из поля зрения, заставив Лиру глупо озираться по сторонам, а потом неожиданно приземлился прямо перед санями, так что Сервин едва успел затормозить, чтобы не врезаться в него, а Лира, не удержав равновесие, упала назад. Несмотря на дикий свист ветра, повисла звенящая напряжённая тишина. В темноте капюшона не было видно глаз Крампуса, но смотрел он прямо на Лиру, прямо в её душу, и она это чувствовала. Лира всегда боялась Крампуса. С детства. Хотелось закричать, чтобы громкий девичий визг несколько раз отрекошетил от зеркальных гор, вызвал лавину, которая бы смела и Крампуса, и её, и Сервина, и маленькие красные сани, лишь бы не стоять вот так, перед

неизвестностью, не решаясь бежать куда-либо и что-то делать. Но горло будто сковали, и вместо крика из него вышло только тихое слабое мяуканье.

Крампус шевельнулся, и медные колокольчики призрачным эхом бубенцов Клауса зазвенели где-то между ржавыми цепями. Он порылся в складках своей одежды и протянул когтистую руку Лире, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами. В руке лежал подарок. Для чудовища он был совсем крохотным, помещался в ладони, тогда как Лире понадобились обе руки, чтобы обхватить его. Лира неуверенно взяла его, и в тот же миг Крампус, с силой тряхнув цепями, взмыл вверх и потерялся в снежном потоке.

Всё смолкло. Лира и Сервин стояли одни посреди Чёртовых ущелий, заметаемые противным колючим снегом. Поставив картонную коробку под лавочку, Лира дрожащим от волнения голосом тихо прошептала:

– Трогай, Сервин... Трогай.

Часть 3

Оставив позади непроходимые горы, маленькие деревянные сани с рубцом на левом борту влетели в небольшой городок у окраины Северного полюса. Винтербург встретил Лиру и Сервина тёплым сиянием свечей, мягкими хлопьями снега, которые показались путешественникам лебединым пухом

после колких крупинок в Чёртовых ущельях. Несмотря на всю эту красоту, Винтербург спал. Редкие прохожие встречались на узеньких мощёных улочках, чьи домики так напоминали пряничные. На центральной площади стояла большая ёлка, украшенная игрушками, мандаринами и марципановыми фигурками. Конечно, с елью во дворце Санта-Клауса она сравниться не могла, но она показалась Сервину очень милой, и Лира, быстро выскочив из саней, добавила на еловые лапы по несколько огоньков. Создавалось впечатление, будто она сняла с неба несколько звёздочек, или это ожила посреди зимы стайка робких светлячков.

Снова весело зазвенел колокольчик, и Сервин, звонко цокнув копытами о мостовую, взлетел на козырёк одного из небольших домиков. Началось увлекательное катание по заснеженным крышам; в большинстве окон уже не горел свет, и только таинственно мерцали гирлянды на новогодних ёлках. Где-то под ними уже лежали подарки, только рождественские носки не были наполнены конфетами. Затормозив на скате одной крыши, Лира вышла из саней и, захватив большой мешок с конфетами, ловко прошмыгнула в окно, которое открыла по щелчку пальцев. Маленькая девочка крепко спала, завернувшись в объёмное пушистое одеяло, а в её ногах дремал не менее объёмный рыжий кот. Лира наполнила конфетами праздничные носки и, удовлетворённо кивнув самой себе, уже собиралась уходить, когда заметила под ёлкой традиционное угощение. «И почему дети так ра-

дуются, когда Санта-Клаус его съедает? – подумала она, выпивая до дна большой стакан молока. – А взрослые наверняка опять свалят всё на кота». С этими мыслями Лира снова вернулась на крышу, где её ждал Сервин, и угостила оленя сладким имбирным печеньем.

Они объехали весь город, прежде чем праздничные носки в каждом доме наполнились конфетами и пришёл черёд подарков. Подарков было немного – всего пять. Новичкам никогда не поручали слишком много посылок, чтобы ни в каком случае по вине неумелого эльфа ребёнок не остался без подарка.

Полная луна снова появилась на небе, заливая жидким серебром обледеневшие крыши, и будто лукаво подмигнула путешественникам. Теперь она напомнила Сервину уже не страшный слепой глаз, который смотрел за ними в Заспанных горах и Чёртовых ущельях, а растопленное сливочное масло, которое хозяйка добавляет в тесто для пряничных человечков.

Остался последний подарок. Лира наконец-то расслабленно откинулась назад, позволяя себе немного прикрыть веки и предаться волшебным мечтам. Сервин неспешной рысью направлялся на окраину Винтербурга, тихо насвистывая себе под нос «Jingle bells» и иногда постукивая копытами в такт музыке. Лира опустила взгляд вниз и увидела ещё одну картонную коробку, скромно не напомиnavшую о себе. Это был подарок Крампуса. Лира взяла его в руки и легонько потряс-

ла, но не слышала ничего, кроме глухого стука чего-то тяжёленького о стены коробки. Лира открыла крышку и заглянула внутрь: увесистый медный бубенчик с красивой выгравированной надписью лежал внутри, лениво перекатываясь, когда Сервин поворачивал в другую сторону. «Крампус», – гласила надпись. На дне Лира нашла небольшой клочок бумаги, на котором немного криво, но всё равно очень изящно было написано: «Маленькому эльфу от страха детства». Лира неуверенно взяла колокольчик в руки и потрясла. Призрачный звон, словно полупрозрачная тень, завис в воздухе, и сразу в крови разлилось неприятное чувство волнения, как напоминание о том, что *он* всегда рядом.

Последний дом, такой же, как и остальные на этой улице, встретил путешественников холодной темнотой в окнах и пустотой. Лира непонимающе заглянула внутрь: ни единого огонька, ни единого украшения. Она обошла здание со всех сторон в надежде найти хоть что-то, напоминающее о прежней жизни, но всё было мертво и глухо. Вдруг в правых окнах Лира всё-таки разглядела пламя свечи – оно было такое незаметное, такое тонкое и хлипкое, что его можно было легко не заметить. Лира прошмыгнула внутрь.

На чёрной кухне на столе стояла одинокая свеча. Когда глаза немного привыкли к темноте, Лира увидела три едва подсвеченных грустных лица – они как будто специально стояли в тени, словно боялись огня. Два молодых и одно пожилое, хотя в тот момент все они показались Лире до

невозможного старыми, словно какая-то очень тяжёлая печаль легла на их плечи. На столе перед свечой стояла фотография мальчика школьного возраста, занавешенная чёрной полупрозрачной тканью. Внезапное осознание ударило в голову Лиры, и она виновато посмотрела на подарок у себя в руках. «Рукасу Бигу от Санта-Клауса», – было написано изящным почерком со множеством завитушек на небольшой бумажке в правом углу коробки. Одно молодое лицо поцеловало в лоб пожилое и, шепнув «Спокойной ночи, ма», тихо выскользнуло вместе с другим из кухни. Лира подошла ближе и пригляделась: сухопарая женщина с довольно широким лицом, сгорбившись, сидела за столом, и распущенные длинные волосы седыми волнами покрывали её спину, как снег покрывает пологие чёрные склоны. Серые глаза, доверху наполненные пеплом, внимательно рассматривали фигуру мальчика с фотографии, и Лира видела в её зрачках, как оживает потерянный образ.

Лира выскользнула из дома, тихо закрыв дверь. Сервин, который наблюдал за всем из окна, понуро подошёл к ней и положил подарок обратно в сани.

– Я не верю, что он умер, – грустно, но при этом как-то твёрдо сказала Лира. – Я думаю, его забрал Крампус.

– Почему ты так считаешь? – тихо спросил Сервин, поглядывая на кухню.

– На фотографии Рукас с рогаткой, а Крампус всегда забирает непослушных детей... Я не уверена, но стоит попро-

бовать.

С этими словами она достала из саней невзрачную картонную коробку, вынула из неё большой медный колокольчик и что есть силы позвонила в него. Несмотря на то, что Лира трясла его довольно ощутимо, звон всё равно вышел каким-то призрачным и полупрозрачным, как будто бубенчик звонил не здесь, а очень-очень далеко.

Резко налетел холодный ветер; снег, до этого такой мягкий и пушистый, вдруг стал колючим и жёстким, словно тысячи мелких иголок. Знакомый лязг цепей прозвучал где-то совсем близко, и Лира в последний миг успела заметить большую чёрную тень, спрыгнувшую с крыши дома напротив. Крампус, тяжело и хрипло дыша, стоял перед ними, и Лире на какой-то момент показалось, что он с интересом рассматривает колокольчик у неё в руках.

– Отпустите его. Пожалуйста, – только и сказала Лира, зная, что он поймёт. Крампус несколько долгих мгновений неподвижно смотрел зияющей пустотой капюшона сначала на Лиру, потом на Сервина, будто раздумывал, стоит ли выполнять её просьбу. Но вот он лениво стащил со своей спины огромный мешок и развязал его, откуда в следующий миг показалась голова мальчика с ошалевшим видом и большими от страха глазами. Сервин помог ему вылезти, и Рукас разрыдался, ползая перед Крампусом на коленях.

– Я больше не буду, правда, не буду...

Крампус ничего не сказал, только медленно погрозил ему

своим длинным когтем, а уже через несколько секунд он, лязгнув на прощание ржавыми цепями и медными бубенцами, грузно вспрыгнул на крышу дома и вскоре исчез, растворившись в стихающей метели.

– Мама!..

– Эй, малой! – окликнул мальчика Сервин, когда тот взялся за ручку двери. – Держи свой подарок, – и красивая расписная коробка отправилась прямиком в ладони Рукаса. Он широко улыбнулся, точно только сейчас понял, кто его спасители, и, быстро сбежав с крыльца, коротко обнял Сервина и Лиру.

– Спасибо вам! – крикнул он, стоя на пороге дома, в котором по щелчку пальцев Лиры зажглись волшебные нарядные огни.

Часть 4

Путь назад... Стоит ли его описывать? Красные деревянные сани на всех парах мчались от Винтербурга к Северному полюсу. Они стрелой пролетели по серпантинам Чёртовых ущелий под ритмичный лязг ржавых цепей и призрачный звон колокольчика, который, впрочем, уже не волновал путешественников, а если и волновал, то не так сильно. Затем сани на одном дыхании проскользили сквозь Заспанные горы, оглашая их просторы ярким звоном бубенцов Святого

Николая, и Йольский кот провожал их, мелькая чёрным облаком в темноте леса между стволами деревьев. Потом сани выскочили на широкий простор арктической пустыни; жёсткий наст хрустел под неумолимыми копытами, заглушая испуганный вой помнящих кусачий огонь полярных волков. Хищные звери, завидев сани, сначала было увязались за ними, но, когда на горизонте стал вырисовываться силуэт знакомого замка, отстали, виляя хвостами на прощание.

Ещё никогда Сервин и Лира не были так рады вернуться во дворец Санта-Клауса. Замок встретил их уютным теплом, запахом имбирного печенья и сладких мандаринов, укутав, словно одеялом, светом множества гирлянд, и, когда Лира сидела в своей комнате в одной из башен практически под небом и смотрела на плотную стену снегопада за окном, она думала онедавно пережитом путешествии, которое уже подошло к концу, как и подошла к концу эта Рождественская ночь.

Белый слон

Это была зима. Снежная, вьюжная – такая, какой её всегда представляют. На улице большими, пушистыми хлопьями шёл снег и покрывал город под собой плотным пуховым одеялом. Фонари освещали дороги тёплым жёлтым светом, и этот свет, словно пламя зажжённой свечи, вёл за собой сквозь метель.

Посередине одной из улиц сидел кот. Кто он, откуда он, я не знаю. У него не было ни имени, ни ошейника, ни дома, и идти ему было некуда и не за кем. Кот смотрел на снег и ни о чем не думал, разве только о том, как красиво танцуют снежинки.

Вдруг из-за поворота показался кто-то очень большой – я бы даже сказала огромный. Это был белый слон. Кот так удивился, что открыл рот от восхищения: он никогда не видел живых слонов. Слон был очень большим, гораздо больше кота: он доставал загривком до ламп фонарей, а одна его нога была словно ствол дерева.

Слон прошёл мимо кота и, медленно покачиваясь из стороны в сторону, пошёл дальше по улице – наверное, он даже не заметил его. Кот, мгновенно поднявшись с земли, побежал вслед за слоном.

– У меня нет друзей. Можно я буду твоим другом? – спросил его кот, периодически переходя с рыси на бег. Слон

утвердительно кивнул, почти касаясь своим длинным белым хоботом заснеженной земли, и, кажется, слегка улыбнулся. – Спасибо. Я постараюсь быть хорошим товарищем, но ты прости, если у меня не получится...

Слон ничего не сказал, только зачерпнул хоботом небольшую горстку снега и высыпал себе на спину.

– Я хожу от дома к дому, но не могу зайти ни в один, – сказал кот, стараясь идти вровень с головой слона, чтобы он его слышал. – Я красивый и добрый, но этого, очевидно, мало для того, чтобы кому-то понравиться. А ты как думаешь?

Слон слегка склонил голову набок, окинул кота оценивающим взглядом, но ничего не сказал.

У слона был большой, широкий шаг, вполне соответствующий его размерам, но для кота это расстояние было сравнимо с очень короткой улицей.

– Знаешь, я никогда не видел живых слонов, – сказал кот, задыхаясь от быстрого шага. – Один раз я сидел на подоконнике первого этажа. В квартире работал телевизор, по которому шла передача про животных, и там я впервые увидел слонов, и не только их: и фламинго, и китов, и крокодилов... Тогда я открыл для себя много новых животных – я и не знал, что такие бывают... А потом меня прогнали.

Слон поднял хобот вверх и выпустил маленький фонтанчик снежинок. На какой-то момент коту вдруг показалось, что он увидел сквозь него соседнее здание, но видение тут же рассеялось, будто его и не было.

– Откуда ты, слон, и куда ты идёшь? – почти крикнул кот, стараясь дозваться до слона сквозь печальные завывания ветра. – Говорят, на свете есть волшебная страна, где не бывает зимы. Там живут фламинго, крокодилы и киты... Наверное, и слоны там живут?

Но слон ничего не ответил.

– Там есть коты? Должны быть... Но я не уверен. Слон, расскажи мне о той стране. Далеко до неё? Смогу ли я дойти, или моих сил хватит лишь на половину дороги? А, слон?

Но слон всё так же молчал, неспешно покачивая головой вверх-вниз, словно маятник часов.

– Ты знаешь, я бы очень хотел там оказаться, хотя бы одним глазком посмотреть на солнечные края, где тепло греет в каждой душе. Мне кажется, там бы я смог найти себе друзей... А, как думаешь, слон?

И снова слон ничего не ответил, только как-то грустно покачал своей белой головой из стороны в сторону и посмотрел на кота печальными белыми глазами.

– Но ты не слушаешь?... – спросил кот, растерявшись. – Быть может, мне надо оставить тебя?... Скажи, если я смешон или нелеп, я всё пойму, ты только скажи...

Однако и в этот раз слон ничего не ответил, он даже не посмотрел на кота, лишь продолжил идти, не замедляя и не ускоряя шаг, куда-то дальше по улице, в снежную неизвестность.

Кот растерянно остановился. Он надеялся, что слон сей-

час обернётся, даст понять, что ему не всё равно, и позовёт за собой, но слон продолжил идти, не оборачиваясь, пока постепенно не начал теряться в метели. Только сейчас кот посмотрел ему под ноги и вдруг понял, что слон не остав- лял следов. Вскоре он исчез. Кот бросился вперёд, туда, куда, кажется, ушёл слон, но его нигде не было, только северный ветер страшно выл между домами, как целая стая голодных волков.

– Вот дурачок! – воскликнула старая ворона с соседнего дерева. – Ты с кем разговариваешь? С метелью?

– С зимой, госпожа ворона, – глубоко вздохнув, ответил ей кот. – Прошу её, чтоб она была теплее и сытнее.

Ворона хотела ещё что-то сказать, но вдруг испуганно вздрогнула и улетела куда-то в метель.

– Смотри, какой котик! – воскликнул чей-то тоненький голосок совсем рядом с котом. В следующее мгновение его легко подняли на руки и развернули лицом к себе. – Какой хорошенький! Давай его оставим?

На следующий день город отмечал Рождество. Кот лежал под пушистой нарядной ёлкой и с интересом разглядывал разноцветные огоньки прямо над собой, которые перелива- лись всеми огнями радуги и напоминали маленькую галак- тiku где-то в космосе. Кот прикрыл глаза, и под веками у него заплясали разноцветные пятна. Ему снился белый слон. Он уверенно шёл, покачиваясь из стороны в сторону, по пре- красной стране: там росли невиданные цветы размером с

двухэтажный дом, свисали с деревьев бананы и кокосы, и серые обезьяны ели их, сидя прямо на ветках. Солнце играло лучами на морских волнах, в которых плескались розовые фламинго и огромные синие киты, и отражалось от них всеми цветами радуги. Но кот больше не хотел туда...

Кто-то

– Ау! – крикнул он в пустоту. – Тут кто-нибудь есть?

– Тут кто-нибудь есть, – ответил кто-то.

– Кто ты? – спросил он, вглядываясь в темноту. – И где ты?

– А ты кто? И ты где? – снова сказал кто-то.

– Я заблудился, – жалобно протянул он, оглядываясь по сторонам, – и стою у старого колодца. Тут темно и сыро, и я ничего не вижу.

– Совсем ничего? – поинтересовался таинственный голос где-то рядом.

– Совсем, – он прижался спиной к холодной каменной кладке колодца и обнял себя за плечи. – Мне страшно.

– Не бойся, – сказал кто-то. – Я помогу тебе. Где ты живёшь?

– Не тут и не здесь, – почти прошептал он. Стояла глухая ночь, и даже звёзды не сияли на небе.

– Хорошо, – пробормотал голос. – Тогда я поведу тебя за собой. Среди тысяч мест, которые мы называем «не тут и не здесь», когда-нибудь обязательно найдётся «тут и здесь», верно?

– Не знаю, – сказал он. На ветру загудели старые деревья, и он вздрогнул от страха.

Некоторое время голос молчал, словно что-то обдумывал.

– Загляни-ка в колодец, – наконец попросил кто-то.

– Зачем? – спросил он, но всё же осторожно перегнулся через край.

– Должен же я знать, кого мне вести, – хмыкнул голос. Повисла пауза, пока он испуганно всматривался в тёмную поверхность воды. – Какой маленький мальчик... Совсем ребёнок. Как ты тут оказался?

– Не знаю, – мальчик видел в старом колодце только бесцветное отражение себя, какое-то грустное и напуганное. – Я шёл «туда», но пришёл в «никуда».

– Пойдём, – сказал кто-то. – Ночью холодно, ты можешь заболеть.

– Но где ты? И кто ты? – воскликнул мальчик в поисках загадочного голоса. Тот не ответил.

– Пойдём, – повторил кто-то. – Я знаю, ты не видишь меня, но зато слышишь. Сейчас мы пойдём через лес. Кричи со всей силы, и я буду отвечать тебе – так уж устроено, что я могу говорить только тогда, когда говорят со мной. Иди на мой голос. Не бойся, я буду рядом. Ты понял?

– Да, – шепнул мальчик. Он развернулся спиной к колодцу и пошёл прямо в лес, в самую чащу.

– Ау!.. – крикнул мальчик. – Помогите мне! Я заблудился!..

– Он заблудился... – повторил кто-то.

Мальчик долго шёл сквозь лес. Ему было страшно, но чей-то голос, отзывающийся на каждое его слово, уверенно вёл

за собой.

Вдруг деревья поредели, и в просвете между стволами мальчик увидел огни. Он радостно воскликнул и побежал навстречу домам.

– Спасибо! Спасибо тебе! – закричал он, обращаясь к лесу.

– Тебе спасибо, – засмеялся голос.

– Но кто ты? – мальчик пристально взгляделся в темноту, но никого не увидел. Над лесом повисла тишина. – Ау!.. Тут кто-нибудь есть? – крикнул он в пустоту.

– Тут кто-нибудь есть, – ответил кто-то.

– Эхо?.. – догадался мальчик. – Это ты?

Ему никто не ответил, или он не услышал из-за шума проезжающих мимо машин. Мальчик подождал ещё немного, но загадочный голос всё так же молчал. Тогда он развернулся спиной к лесу и побежал навстречу знакомым огням.

Маленькие ангелы

– Видите эту маленькую девочку, которая спит на дальней кровати? Постарайтесь быть тише, не разбудите её! И... Можно попросить Вас об одолжении? Не говорите, куда мы идём, хорошо? Я сам ей всё объясню. Во всяком случае, постараюсь, а то, знаете ли, это работа не лёгкая...

– Эй! Кто здесь?

– Ну вот! Я же просил быть тише! Впрочем, всё равно... Здравствуй, маленький ангелочек! Тебя зовут Малён, верно?

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– О, я много чего знаю и готов рассказать тебе! Например, я знаю, что находится по ту сторону чёрной дыры и сколько на небе звёзд...

– Ну, что находится по ту сторону чёрной дыры, я тоже знаю – шнур от телевизора, а вот сколько на небе звёзд, я не знаю, потому что умею считать только до десяти.

– Ого! Ты такая маленькая, а уже умеешь считать! Сможешь сказать, сколько тебе лет?

– У моего возраста очень красивая цифра, стоит отметить. Мне пять лет!

– Что ж, действительно красивая цифра. Помнишь, я сказал тебе, что много чего знаю? Так вот... Ещё я знаю, что совсем недавно у тебя был день рождения!

– Недавно? Прошла уже целая неделя. Это много.

– Хм... Получается, я опоздал с поздравлениями?

– А ты хочешь меня поздравить?

– Конечно хочу, ведь именно для этого я здесь!

Повисло молчание.

– Знаешь, я подумала, что, хоть день рождения и был давно, ты всё равно можешь меня поздравить.

– Я очень этому рад! Поздравляю тебя, Мален, с твоим пятым днём рождения!

– Спасибо, мне очень приятно.

– Но ты же не думаешь, что я пришёл с пустыми руками? Конечно, у меня есть для тебя подарок!

– Правда? Это замечательно! Давай его скорее сюда!

– Видишь ли, Мален... Так как ты в больнице, далеко не все вещи можно передавать тебе в палату. Твой подарок ждёт тебя на посту охраны.

– Что такое «пост охраны»?

– М... Место, где стоят стражники. Один из них сейчас охраняет твой подарок. Что насчёт того, чтобы спуститься и забрать его?

– Звучит здорово, но родители не разрешают мне ходить с незнакомцами. Как тебя зовут?

– Хм... Ты можешь звать меня Год. Запомнить такое имя тебе под силу?

– Да, оно простое и лёгкое, как пёрышко. Теперь мы знакомы, и я могу идти с тобой!

– Отлично! Тогда вперёд!

Они вышли из палаты и начали спускаться по лестнице.

– Скажи, Мален, ты давно живёшь здесь?

– Да, очень! Я не знаю, сколько именно, но я помню, что сразу после Нового Года я приехала сюда.

– О, действительно давно! Сейчас уже весна. Ты чем-то болеешь?

– Да, но я не знаю, чем. Это слово слишком сложное для меня.

– Понимаю: я, пожалуй, тоже бы его не запомнил. Смотри-ка, мы уже пришли.

– Да, но... Где подарок?

– Проклятье! Страж уснул, и кто-то украл его! Нам нужно его найти.

– Но как мы это сделаем?

– Я помогу тебе, Мален. Кажется, я знаю, кто это может быть... Но перед тем, как отправиться на поиски подарка, я обязан предупредить тебя, что это путешествие может быть долгим...

– ...И опасным?

– Нет-нет, что ты! Я не дам тебя в обиду. Просто долгим.

Ну что, ты готова?

– Да!

– Отлично! Тогда, я думаю, сначала нам стоит навестить родителей, ведь, как я уже сказал, путь будет долгим...

– Тогда вперёд! Чего же мы ждём?

– Погоди-погоди, Мален. На улице холодно, а на тебе

лишь пижама. Думаю, тебе стоит одеться. Где твои вещи, в которых ты сюда приехала?

– Я не знаю, но зато я знаю, что могу надеть вместо них! У меня в палате есть тёплое одеяло. Давай вернёмся туда.

– Может, не стоит?.. А хотя... Пошли. У нас много времени. Мы никуда не спешим...

Они вернулись в палату.

– Смотри, Тод! Кто это лежит в моей кровати? Эй! Эй, это моя кровать!

– Подожди, Мален! Постой тут, пожалуйста... Сейчас я принесу тебе плед.

Мален осталась за дверью, и в темноте комнаты она так и не увидела, кто спал в её кровати.

– Ну вот, – сказал Тод, вернувшись. – Теперь ты совсем как принцесса! Это одеяло похоже на мантию.

– Да, я маленькая принцесса Мален. Будешь моим рыцарем?

– Конечно, Ваше Величество! Впе...

– Высочество.

– Что?

– Принцесса – это «Высочество». «Величество» – это король или королева.

– Что ж, кхм... Прошу прощения, я мигом исправлюсь. Кхм-кхм. Конечно, Ваше Высочество! Вперёд! На поиски пропавшего подарка!

Они вышли на улицу. Был уже поздний вечер, и на улице

никого не было.

– Вообще-то мне нельзя так поздно выходить на улицу. Люди в белых плащах запрещают мне это делать.

– Но ведь я тоже человек в белом плаще!

– Да, правда... Что ж, думаю, это считается, хоть и крой у тебя другой. Как думаешь, кто мог украсть мой подарок?

– О, я почти уверен, что это был Чёртик. Он всегда хочет мне напакостить.

– Я бы хотела посмотреть на Чёртика, но так, чтобы он никому не навредил.

– Ты была бы доброй и справедливой правительницей, Мален. Ты настоящая принцесса!

– Спасибо, Тод, но я не хотела бы быть правительницей. По-моему, это очень сложно. Я только хочу, чтобы меня любили, развлекали... Ну и так далее. А вообще я хотела бы жить в замке рядом с собственным парком аттракционов.

– Ты когда-нибудь была в парке аттракционов?

– Да, но только один раз, на мой прошлый день рождения. Мне очень понравилось. Так понравилось, что я даже это запомнила, потому что обычно я всё забываю.

– Ты бы хотела попасть туда ещё?

– Конечно, хотела бы! Но люди в белых плащах не пускают меня на улицу.

– Ты забываешь, что я тоже человек в белом плаще, Мален. Что ж, думаю, сегодня мы это исправим. Смотри-ка, мы пришли к твоему дому!

– А мои родители знают тебя? Было бы невежливо с моей стороны приводить в дом незнакомца.

– Конечно, знают!

– И ты их знаешь?

– Само собой разумеется!

– Хм... Я тебе, конечно, верю, но всё же скажи, как их зовут.

– Э... Твоих маму и папу?

– Да, всё верно, их зовут мама и папа! Это хорошо, что ты меня не обманул. Я бы расстроилась.

– Мален, что ты такое говоришь! Таких маленьких ангелов, как ты, нельзя обманывать!

– Спасибо тебе, мой храбрый рыцарь. Теперь мы можем зайти в дом.

В квартире свет горел только на кухне. Там сидели две чьих-то фигуры. Обе молчали.

– Знаешь, Тод, я очень рада, что ты пришёл. Я так давно не была у себя дома! Пойдём, я покажу тебе своих друзей. Смотри, вот это Господин Мёд. Он самый модный медведь. А это Шашадка, её любимое занятие – возить сено. А вот Бебешка, из её шерсти сделана одежда для всех остальных. А вот...

Мален ещё долго показывала своих маленьких друзей грустно улыбающемуся Тоду, который слушал её очень внимательно.

– Послушай, Мален, – сказал Тод, когда она закончила. –

Наше путешествие будет действительно долгим. Ты не сможешь так быстро вернуться сюда, так что, я думаю, ты можешь взять свои любимые игрушки с собой.

– Правда?.. Тод, я тут подумала... Если подарок так далеко, может быть, мы не пойдём за ним?

– Конечно, если ты не хочешь, мы не пойдём за ним, но ты знаешь, что я хотел тебе подарить?

– Не знаю...

– Я хотел подарить тебе волшебный колокольчик, чей звон исполняет желания. Представляешь, что будет, если он упадёт в плохие руки?

– Ой...

– Вот именно, Мален! Ты, конечно, можешь отказаться, но, будь я на твоём месте, я бы спас мир от опасности.

– Конечно, Тод! Вперёд, мой верный рыцарь! С моей свитой мы будем непобедимы.

И Мален стала по одной приносить Тоду игрушки, которые ему приходилось держать в руках.

– Послушай, Мален... Тебе не кажется, что нас... Эм... Слишком много? Может быть, ты выберешь только самые-самые любимые?

Мален расстроено остановилась.

– Но я люблю их все! И Господина Мёда, и Шашадку, и Бебешку...

– Хорошо-хорошо, только не плачь! Ведь я же рыцарь, верно? – Тод подхватил игрушки поудобнее и поклонился. –

Ваша свита готова к походу, принцесса Мален!

– Вперёд, мой рыцарь Тод! Но сначала надо сказать родителям, что мы уходим, иначе они будут беспокоиться обо мне.

– Да, ты права. Попрощайся с родителями, Мален: боюсь, ты ещё не скоро увидишься с ними...

Они прошли на кухню. Две фигуры сидели молча, закрыв руками лица.

– Мама, папа! Я отправляюсь в большое путешествие. Чёртик украл волшебный колокольчик, чей звон исполняет желания, и, если мы его не найдём, может случиться много плохого... Тод, а мы не можем взять родителей с собой?

– Нет, Мален. Их время для путешествия ещё не пришло... Наш путь будет лежать через Долину Облаков, а мама с папой слишком тяжёлые для этого.

– Жаль... Что ж, прощайте.

Мален по очереди крепко обняла родителей и отошла. Они не отреагировали. Словно ничего не почувствовали.

– Не расстраивайся, Мален. Придёт время, и ты обязательно встретишься с ними снова, обещаю.

– Правда?..

– Ну конечно! Пройдёт, может быть, не один год, но наконец наступит такой, когда вы увидите друг друга.

– Не один год? Это очень долго...

– Не спорю, Мален. Иногда это расстояние длиною в жизнь кажется бесконечным, но в такие моменты, моя ма-

ленькая принцесса, важно помнить, что это не так: время никогда не стоит на месте, оно идёт, и мы идём вместе с ним.

– Ты прав, Тод...

– Ну что, Мален? Ты готова?

– Готова!

Они снова вышли на улицу. Полная луна висела в небе над городом.

– Тод, ты сказал что-то о Долине Облаков. Где это?

– Совсем недалеко, всего лишь километр от земли. Ты ведь знаешь, что такое километр?

– Нет.

– Ну, это... Это где-то тысяча моих шагов. Ты знаешь, что такое тысяча?

– Нет.

– Ну... Это... Много, одним словом.

– Поверю тебе на слово, Тод, хотя ты сказал, что это совсем недалеко. Так что, мы пойдём туда?

– Пешком туда не дойти, Мален. Мы туда полетим.

– Полетим? Но как?

– Ты меня обижаешь! Разве у меня за спиной нет больших белых крыльев?

– Есть, конечно. Но тебе не будет тяжело?

– Нет, Мален. Ты лёгкая, как пёрышко!

– Ладно, но если тебе будет тяжело – скажи.

– Обязательно, моя маленькая принцесса. Ты когда-нибудь летала?

– Только во сне.

– Что ж, тогда, я думаю, нам стоит попробовать. Боишься высоты?

– Не знаю.

– Ах, ну да. Тогда хватайся крепче, Мален, но не бойся.

Помни: я тебя держу.

Тод расправил крылья и взлетел. Мален тихо взвизгнула, и Тод сильнее прижал её к себе.

– Посмотри, Мален, как красиво! Видишь те сияющие огни? Это машины едут по дороге, но они кажутся нам маленькими, потому что мы высоко...

– Мне страшно, Тод!

Мален крепко зажмурилась и уткнулась лицом куда-то ему в плечо.

– Что такое? Я тебя держу!

– Прошу, давай спустимся вниз. У меня кружится голова...

Тод вздохнул.

– Как скажешь, моя маленькая принцесса. Смотри-ка! Видишь тот огромный глаз? Это обзорное колесо. Давай на нём прокатимся: может быть, так ты сможешь побороть свой страх.

Они спустились на землю прямо у входа в парк аттракционов.

– Кажется, ты говорила, что хотела бы ещё раз побывать в парке аттракционов. У нас есть прекрасная возможность.

Ты как?

– Я бы очень хотела побывать там, но разве нас туда пустят? У меня нет денег.

– Не беспокойся об этом. Я заплачу за тебя. Для такого маленького ангела, как ты, нет преград в виде денег. Ну что, идёт?

– Идёт!

Они зашли в парк. Там было много людей, но никто, казалось, не замечал их.

– Ну, моя маленькая принцесса? С чего начнём?

– Я хочу прокатиться на тех горках. Смотри, как там здорово!

– Ты уверена, Мален? Мне кажется, этот аттракцион для ребят постарше.

– Думаешь, меня туда не пустят?

– Да, Мален, для тебя эти горки могут быть опасны. Может быть, выберешь что-нибудь другое?

– Хм... Я помню, тут где-то были лодки, которые мне очень понравились. Похожи на джунгли. Поищем?

– Как скажешь, моя маленькая принцесса Мален. Сегодня всё для тебя! В пределах разумного, конечно.

Они нашли «джунгли», которые и правда напоминали густой тропический лес, и сели в лодку. Лодка поплыла.

– Смотри, как здорово, Тод!

– Согласен, тут очень красиво. Знаешь, там, куда мы идём, будет так же красиво: там тоже светлячки будут освещать

толстые лианы и хрустальные воды.

– Ого! Не знала, что в небе есть вода, лианы и светлячки.

– И это ещё не всё! Там есть свои города, моря и реки. Есть свои пушистые горы и собственные звёзды, которые по ночам светят так близко, что их можно потрогать. Ты всё это увидишь, обещаю.

– Надеюсь. Мы прибыли, мой храбрый рыцарь Тод. Пора сходить на берег.

Тод, как и подобает настоящему рыцарю, сошёл первым и подал руку Мален. Прямо напротив выхода из «джунглей» был тир.

– Ты когда-нибудь была в тире?

– Нет, но однажды папа выиграл для меня в тире Господина Мёда. Мне понравилось.

– А тебе хотелось бы пострелять самой?

– Очень, но разве мне можно?

– Думаю, тут есть детский тир, специально для таких маленьких ангелов, как ты. Да, вот и он.

Они подошли к тиру. Под потолком висело множество мягких игрушек, и среди них – огромный, немного смешной плюшевый дракон.

– Ну что? Кого хочешь выиграть?

– Вон ту красную мышь с меня ростом.

Тод засмеялся. Дракон действительно был похож на мышь.

– Это не мышь, Мален, это дракон. Драконы, кстати, кра-

дут и стерегут принцесс, а потом рыцари с ними сражаются, чтобы принцессы обрели свободу.

– Я не знаю такого животного, и мне не нравится, что рыцари с ними сражаются. А вот он мне кажется симпатичным. Что я должна сделать, чтобы выиграть его?

– За три минуты лопнуть все воздушные шарики. Готова?

– Ещё бы!

Мален играла три раза, но так и не лопнула все шары.

– Не расстраивайся, – сказал Тод, когда увидел готовую заплакать Мален. Та уже считала дракона частью своей свиты. – Давай-ка я попробую одолеть этот проклятый тир.

Тод выиграл с первого раза, и дракон всё-таки достался Мален. Он был действительно большим, даже больше самой Мален, как в высоту, так и в ширину, и при желании она могла бы спать на нём, как на кровати.

– Ну что ж, моя маленькая принцесса, – сказал Тод, когда они отошли от тира. Он нёс всю плюшевую свиту Мален, за исключением дракона, которого она уже окрестила Мышью и пожелала тащить сама. – Мне кажется, нам надо продолжить наш путь.

– Нам уже пора уходить? Жаль.

– Волшебный колокольчик, помнишь? – Мален кивнула, но как-то не особо охотно, и зевнула. – Я вижу, ты устала. Что ж, может, оно и к лучшему, – пробормотал про себя Тод. – Тогда я предлагаю прокатиться на чёртовом колесе напоследок: там обязательно должен быть Чёртик...

Вообще-то, сказать по правде, Мален немного боялась кататься на таком высоком колесе, но Тод уверенно держал её за руку, и ей становилось спокойно. Они зашли в кабину, и та, плавно покачиваясь, поползла вверх. Мален зевнула – неудивительно, ведь было уже очень поздно. Она притянула дракончика ближе к себе, положила свою голову на его, большую и плюшевую, а ещё через мгновение провалилась в глубокий спокойный сон.

Тод грустно вздохнул. Когда Мален проснётся, они будут уже далеко. Он скажет ей, что Чёртику стало стыдно, что он лишил подарка такую замечательную принцессу, и поэтому вернул его. Она, конечно, захочет назад, к родителям, но Тод только покачает головой и скажет, что они уже слишком далеко, чтобы возвращаться, и теперь идти можно только вперёд. Будет ли она плакать? Наверное. И он, как сможет, утешит её и понадеется, что прекрасная страна, в которой они окажутся, восполнит собой её утрату... Но всё это будет завтра.

Тод легко подхватил на руки Мален с её плюшевой свитой и встал перед дверью, которая, как по волшебству, медленно открылась. Когда кабина обзорного колеса была в самой высокой точке, Тод смело шагнул вперёд и, взмахнув большими белыми крыльями, полетел прямо в небо.

Когда колесо завершило свой оборот, кабина была пуста, если только в ней вообще кто-то был. И никто во всём мире не видел, как в эту ночь к себе домой вернулись два малень-

ких ангела.